

Алёна Грубая

Эксперт и Тушка: дело номер 43

Алёна Грубая

Эксперт и Тушка: дело номер 43

«Автор»

2026

Грубая А. Н.

Эксперт и Тушка: дело номер 43 / А. Н. Грубая — «Автор», 2026

Они приходят ночью. Невысокий человек в сером плаще. Называет сумму долга. И оставляет тушку. Мёртвую. Большую. Стекланные глаза смотрят в потолок, а лапы связаны верёвкой, от которой потом останутся странгуляционные борозды на костях. Фёдор кормит её свиньям. Игнат — курам. Олег топит в озере. Семён скармливает крокодилу. Иннокентий — пираньям. Аркадий заливает бетоном. Дядя Вова сжигает с покрывками. Роман травит кислотой. Савелий варит в каустике. Диман взрывает селитрой. Все они — должники. Все они — исполнители. Все они идут под суд. Эксперт подписывает коробки. Следователь Аня Ветрова ведёт дело. И постепенно понимает: куропатка — не жертва. Она — инструмент. А за всем этим стоит тот, кто уже отбыл срок за свои преступления. Или ещё не отбыл.

© Грубая А. Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Коробка 43	5
Свиньи. Фёдор из Свитино	7
Куры. Игнат из Птицево	13
Акулы. Олег из Прибрежного	16
Пираньи. Иннокентий из Техникаловки	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Алёна Грубая

Эксперт и Тушка: дело номер 43

Пролог. Коробка 43

Её приносили всегда в одно и то же время — ранним утром, когда город ещё не проснулся, а морг уже работал. Стажёр ненавидел этот час. Не потому, что рано, а потому что коробки пахли страхом. Не формалином, не разложением, а тем особенным, тяжёлым запахом, который остаётся от вещей, побывавших в руках у отчаявшегося человека.

В это утро коробка была восьмой. Такая же серая, картонная, с надписью на боку: «Объект 43. Свитино, ферма Фёдора К.».

Стажёр поставил её на стол. Эксперт не поднял головы — дописывал заключение по предыдущей.

— Опять эта? — спросил он.

— Опять.

Эксперт отложил ручку, потёр переносицу. Ему было пятьдесят, но выглядел он на все шестьдесят. Морг старит быстрее, чем сигареты. Он подошёл к коробке, провёл пальцем по краю, дул пыль.

— Кто принёс?

— Курьер. Как обычно.

— Описания?

— Никакого. Машина без номеров. Человек в форме. Передал коробку и ушёл.

Эксперт кивнул, будто ожидал этого. Он открыл коробку. Внутри — кости. Чистые, сухие, разложенные с пугающей аккуратностью. Кто-то готовил их для него, как хирург — операционное поле.

Стажёр стоял у окна. За стеклом — серое утро, грязный снег, пустая улица. Обычный день в Утишино.

— Вы верите, что это всё одна тушка? — спросил он, не оборачиваясь.

Эксперт взял бедренную кость, поднёс к свету.

— ДНК покажет.

— А по-человечески?

Эксперт не ответил. Он смотрел на кость. На ней были следы — параллельные царапины, глубокие, широкие. Крупные, домашние и сытые свиньи. Поэтому не съели.

— По-человечески, — сказал он наконец, — я верю, что кто-то очень хочет избавиться от этих тушек. Но не может. Или не хочет сам.

— Почему?

— Потому что если бы хотел, делал бы это чище. А здесь каждая коробка — как спектакль. Кто-то наблюдает со стороны. Смотрит, как справляются другие.

Стажёр повернулся. Эксперт положил кость, достал из кармана телефон, открыл фотографию. След человеческой подошвы в загоне.

— Это Фёдор? — спросил стажёр.

— Нет. Фёдор был дома. Это кто-то другой. Кто-то, кто стоял и смотрел, как свиньи не едят.

Стажёр посмотрел на стеллаж. Семь коробок. Семь одинаковых надписей. Семь историй о том, как одни и те же кости возвращались в морг снова и снова.

— Кто это делает?

— Должники, — сказал Эксперт. — Все они — должники. Кому-то, кого боятся. Кому-то, кто не прощает.

— Откуда знаете?

— Они сами рассказали. Не все. Но те, кто рассказал, называли одного человека. Серый плащ. Невысокий. Лицо не запомнили. Он говорит мало. Он называет сумму. И приносит тушку.

Стажёр помолчал. Потом спросил:

— А вы? Вы кому-нибудь должны?

Эксперт поднял глаза. Посмотрел на стажёра. Тот уже пожалел, что спросил. Эксперт взял маркер, написал на коробке:

«Тушка 43. Свитино. Свиньи. Результат: не съели».

Поставил коробку на стеллаж, рядом с семью другими.

— Каждый кому-то должен, — сказал он. — Вопрос не в этом. Вопрос в том, готов ли ты отдавать.

Он погасил свет и вышел.

Я лежала в новой коробке. Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва. Восьмой раз.

Но отсчёт только начался.

Свиньи. Фёдор из Свитино

Фёдор не помнил, когда именно задолжал. Кажется, это было летом, три года назад. Приехал человек в дорогом костюме, представился инвестором, сказал, что хочет вложиться в сельское хозяйство. Деньги наличными дал сразу. Никаких расписок и подписи договора займа не потребовал.

— Всё по-честному, — сказал он. — Отдашь, когда сможешь.

Фёдор взял деньги на расширение, корма, оборудование и надежду.

Через год человек исчез. Деньги кончились, но долг остался. И появился новый человек — в сером плаще.

— Ваш долг теперь у меня, — сказал он. — Отдавать не обязательно. Отработаете.

— Как?

— Примете груз и избавитесь от него. Чисто. Без следов.

Тогда Фёдор не знал, что значит «чисто». Теперь знал. И ненавидел себя за то, что согласился.

В ту ночь он стоял в загоне и смотрел на меня. На брезент, на верёвки, на пятна крови, которые проступили сквозь ткань. Свиньи спали. Большие, тёплые, равнодушные.

— Жрите, — прошептал Фёдор.

Они не проснулись, и он ушёл. Вернулся через день. Свиньи обнюхали меня, ткнули носом, отошли. Снова ушёл. И снова вернулся.

На пятый день подошла старая свинья — та, которую он хотел зарезать ещё осенью, но пожалел. Она откусила кусок. Выплюнула. Попробовала снова. Снова выплюнула.

— Не нравится? — спросил Фёдор.

Свинья посмотрела на него и отошла.

На шестой день пришёл запах. Сосед, дядя Гриша, не стал звонить — сразу пошёл в полицию.

— У него там что-то сдохло, — сказал он. — Не свинья. Что-то другое.

Эксперт приехал через час. Он собрал кости, зубы, пломбы, обрывки брезента. Посмотрел на свиней.

— Сытые, — сказал он. — Если бы голодали, попробовали бы съесть мясо. Кости и зубы всё равно остались бы.

Эксперт уехал, забрав меня. Следователь забрал Фёдора.

— Кто это принёс? — спросил он.
— Человек.
— Какой?
— Серый плащ. Лица не помню.
— Зачем?
— Долг.
— Чей?
— Мой.
— Вы кому-то должны?
— Теперь — вам.

Следователь закрыл папку.

— Сидите, Фёдор. У вас будет время подумать.

Фёдор сел. Свиней увезли. Жена уехала с опустевшей фермы — в город, к матери.

Ночью, когда стажёр ушёл, Эксперт остался в кабинете. Он открыл коробку, достал бедренную кость и поднёс к свету и увидел следы свиных зубов. Но не только их.

Он включил компьютер, открыл файл с фотографиями зоны разбрасывания. Отпечатки копыт, экскременты, кровь. Всё, как обычно.

Но была одно небольшая деталь, которая сразу не бросалась в глаза — след подошвы. Кто-то наблюдал за тем, как ведут себя свиньи. Но не вмешивался.

— Кто ты? — спросил Эксперт пустоту.

Пустота не ответила.

Я лежала в коробке. Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва. Восьмой раз.

Фёдор не знал, что следующую тушку привезут через месяц. Не ему. Другому должнику. С другим способом.

Но Эксперт знал.

Он закрыл коробку, поставил её на стеллаж и написал на ней то же, что и на предыдущих. «Тушка 43. Свиново. Свиньи. Результат: не съели».

Потом достал новую, пустую коробку. Поставил на стол. Написал на ней: «Тушка 43. Птицево».

И ждал.

А я ждала с ним.

Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва.

Это не спойлер.

Это — предупреждение.

Фёдор не помнил, когда именно задолжал. Кажется, это было летом, три года назад. Приехал человек в дорогом костюме, представился инвестором, сказал, что хочет вложиться в сельское хозяйство. Деньги наличными дал сразу. Никаких расписок и подписи договора займа не потребовал.

— Всё по-честному, — сказал он. — Отдашь, когда сможешь.

Фёдор взял деньги на расширение, корма, оборудование и надежду.

Через год человек исчез. Деньги кончились, но долг остался. И появился новый человек — в сером плаще.

— Ваш долг теперь у меня, — сказал он. — Отдавать не обязательно. Отработаете.

— Как?

— Примете груз и избавитесь от него. Чисто. Без следов.

Тогда Фёдор не знал, что значит «чисто». Теперь знал. И ненавидел себя за то, что согласился.

В ту ночь он стоял в загоне и смотрел на меня. На брезент, на верёвки, на пятна крови, которые проступили сквозь ткань. Свиньи спали. Большие, тёплые, равнодушные.

— Жрите, — прошептал Фёдор.

Они не проснулись, и он ушёл. Вернулся через день. Свиньи обнюхали меня, ткнули носом, отошли. Снова ушёл. И снова вернулся.

На пятый день подошла старая свинья — та, которую он хотел зарезать ещё осенью, но пожалел. Она откусила кусок. Выплюнула. Попробовала снова. Снова выплюнула.

— Не нравится? — спросил Фёдор.

Свинья посмотрела на него и отошла.

На шестой день пришёл запах. Сосед, дядя Гриша, не стал звонить — сразу пошёл в полицию.

— У него там что-то сдохло, — сказал он. — Не свинья. Что-то другое.

Эксперт приехал через час. Он собрал кости, зубы, пломбы, обрывки брезента. Посмотрел на свиней.

— Сытые, — сказал он. — Если бы голодали, попробовали бы съесть мясо. Кости и зубы всё равно остались бы.

Эксперт уехал, забрав меня. Следователь забрал Фёдора.

— Кто это принёс? — спросил он.

— Человек.

— Какой?

— Серый плащ. Лица не помню.

- Зачем?
- Долг.
- Чей?
- Мой.
- Вы кому-то должны?
- Теперь — вам.

Следователь закрыл папку.

— Сидите, Фёдор. У вас будет время подумать.

Фёдор сел. Свиней увезли. Жена уехала с опустевшей фермы — в город, к матери.

Ночью, когда стажёр ушёл, Эксперт остался в кабинете. Он открыл коробку, достал бедренную кость и поднёс к свету и увидел следы свиных зубов. Но не только их.

Он включил компьютер, открыл файл с фотографиями зоны разбрасывания. Отпечатки копыт, экскременты, кровь. Всё, как обычно.

Но была одно небольшая деталь, которая сразу не бросалась в глаза — след подошвы. Кто-то наблюдал за тем, как ведут себя свиньи. Но не вмешивался.

— Кто ты? — спросил Эксперт пустоту.

Пустота не ответила.

Я лежала в коробке. Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва. Восьмой раз.

Фёдор не знал, что следующую тушку привезут через месяц. Не ему. Другому должнику. С другим способом.

Но Эксперт знал.

Он закрыл коробку, поставил её на стеллаж и написал на ней то же, что и на предыдущих. «Тушка 43. Свитино. Свиньи. Результат: не съели».

Потом достал новую, пустую коробку. Поставил на стол. Написал на ней: «Тушка 43. Птицево».

И ждал.

А я ждала с ним.

Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва.

Это не спойлер.

Это — предупреждение.

Фёдор не помнил, когда именно задолжал. Кажется, это было летом, три года назад. Приехал человек в дорогом костюме, представился инвестором, сказал, что хочет вложиться в сельское хозяйство. Деньги наличными дал сразу. Никаких расписок и подписи договора займа не потребовал.

— Всё по-честному, — сказал он. — Отдашь, когда сможешь.

Фёдор взял деньги на расширение, корма, оборудование и надежду.

Через год человек исчез. Деньги кончились, но долг остался. И появился новый человек — в сером плаще.

— Ваш долг теперь у меня, — сказал он. — Отдавать не обязательно. Отработаете.

— Как?

— Примете груз и избавитесь от него. Чисто. Без следов.

Тогда Фёдор не знал, что значит «чисто». Теперь знал. И ненавидел себя за то, что согласился.

В ту ночь он стоял в загоне и смотрел на меня. На брезент, на верёвки, на пятна крови, которые проступили сквозь ткань. Свиньи спали. Большие, тёплые, равнодушные.

— Жрите, — прошептал Фёдор.

Они не проснулись, и он ушёл. Вернулся через день. Свиньи обнюхали меня, ткнули носом, отошли. Снова ушёл. И снова вернулся.

На пятый день подошла старая свинья — та, которую он хотел зарезать ещё осенью, но пожалел. Она откусила кусок. Выплюнула. Попробовала снова. Снова выплюнула.

— Не нравится? — спросил Фёдор.

Свинья посмотрела на него и отошла.

На шестой день пришёл запах. Сосед, дядя Гриша, не стал звонить — сразу пошёл в полицию.

— У него там что-то сдохло, — сказал он. — Не свинья. Что-то другое.

Эксперт приехал через час. Он собрал кости, зубы, пломбы, обрывки брезента. Посмотрел на свиней.

— Сытые, — сказал он. — Если бы голодали, попробовали бы съесть мясо. Кости и зубы всё равно остались бы.

Эксперт уехал, забрав меня. Следователь забрал Фёдора.

— Кто это принёс? — спросил он.

— Человек.

— Какой?

— Серый плащ. Лица не помню.

— Зачем?

— Долг.

— Чей?

— Мой.

— Вы кому-то должны?

— Теперь — вам.

Следователь закрыл папку.

— Сидите, Фёдор. У вас будет время подумать.

Фёдор сел. Свиней увезли. Жена уехала с опустевшей фермы — в город, к матери.

Ночью, когда стажёр ушёл, Эксперт остался в кабинете. Он открыл коробку, достал бедренную кость и поднёс к свету и увидел следы свиных зубов. Но не только их.

Он включил компьютер, открыл файл с фотографиями зоны разбрасывания. Отпечатки копыт, экскременты, кровь. Всё, как обычно.

Но была одно небольшая деталь, которая сразу не бросалась в глаза — след подошвы. Кто-то наблюдал за тем, как ведут себя свиньи. Но не вмешивался.

— Кто ты? — спросил Эксперт пустоту.

Пустота не ответила.

Я лежала в коробке. Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва. Восьмой раз.

Фёдор не знал, что следующую тушку привезут через месяц. Не ему. Другому должнику. С другим способом.

Но Эксперт знал.

Он закрыл коробку, поставил её на стеллаж и написал на ней то же, что и на предыдущих. «Тушка 43. Свиньи. Свиньи. Результат: не съели».

Потом достал новую, пустую коробку. Поставил на стол. Написал на ней: «Тушка 43. Птицево».

И ждал.

А я ждала с ним.

Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва.

Это не спойлер.

Это — предупреждение.

Куры. Игнат из Птицево

Игнат не помнил лица человека в сером плаще.

Помнил только голос — ровный, без интонаций, как у автоответчика. И помнил сумму. Пятьсот тысяч. С процентами.

— Когда я брал, было меньше, — сказал он тогда.

— Было, — согласился человек. — Но вы не отдали вовремя.

Игнат отдал бы. Если бы мог. Но бизнес рухнул, куры передохли, деньги ушли в землю. Остались только долг и надежда, что человек в сером плаще забудет.

Человек не забыл.

В ту ночь он приехал на старой «Ниве» с прицепом. Загнал машину в ангар, выключил фары и вышел.

— Груз, — сказал он, открывая прицеп.

Игнат посмотрел. Внутри, на слое мешковины, лежала я. Мёртвая. Большая. Стекланные глаза смотрели в потолок.

— Что это?

— Не твоё дело. Избавься. Чисто.

— Как?

— Любым способом, чтобы никто не нашёл.

Человек ушёл. Игнат остался, курил, смотрел на меня и думал.

Свиней у него не было. Корова — не вариант. Птицеводство — идеально. Триста кур. Они едят всё.

Но сначала нужно было разделать меня.

Игнат занёс меня в подсобку, включил свет. Лампочка мигнула, зажужжала и замерла. Пол был бетонным. Холодным. Рядом, на стеллаже, стояли банки с кормом, лекарства, старый кухонный комбайн.

Он резал меня всю ночь. Пил кофе. Курил. Смотрел, как мясо отделяется от костей, как сухожилия лопаются, как кровь стекает в ведро. Руки привыкли к ножу. Глаза — к красному.

К трём часам ночи я была разделена. Мясо — в вёдра. Кости — в мешок. Зубы — отдельно, в стеклянную банку.

Игнат не знал, зачем сохранил зубы. Наверное, не смог выбросить. Или хотел, чтобы они напоминали ему, что он делает что-то непоправимое.

Он вымыл руки, лёг на пол и уснул. Утром он запустил комбайн. Соседи днём не слушали — работали. Мясо уходило в фарш быстро, почти без звука.

Он смешал фарш с комбикормом, высыпал в кормушки. Куры набежали, заклевали, устроили пир. Триста клювов. Триста жадных птиц.

— Ешьте, — сказал Игнат.

Куры ели. Через час кормушки опустели. Игнат выдохнул.

Конец случился через три дня, когда приехал ветеринар.

— Плановый осмотр, — сказал он.

— У меня всё нормально.

— Я быстро.

Ветеринар прошёл по рядам, заглянул в клетки. Остановился у дальней стены. Там, в углу, лежали остатки — несколько костей, зуб с пломбой, обрывок плёнки, которую Игнат забыл убрать.

— Это что? — спросил ветеринар.

— Не знаю.

— Похоже на рвоту.

— Куры болели.

— Чем?

— Не знаю.

Ветеринар наклонился, поднял кость. Покрутил в руках. Сфотографировал.

— Я позвоню, — сказал он и вышел.

Игнат не стал его останавливать. Он сел на пол, обхватил голову руками и затрясся.

Эксперт приехал через час. Собрал остатки костей, зубы, пломбы, обрывки плёнки. Взял пробы корма, комбикорма, воды. Посмотрел на кур.

— Они здоровы, — сказал он.

— Знаю, — ответил Игнат.

— Зачем?

— Долг.

— Чей?

— Мой.

Эксперт уехал, забрав меня. Игната увезли. Кур отправили на другую ферму.

Ночью, когда стажёр ушёл, Эксперт остался в кабинете. Он открыл новую коробку, достал кость, поднёс к свету. Следов животных почти не было — мягкие ткани срезаны ножом. Но были другие следы. Микроскопические царапины от лезвий комбайна.

Эксперт открыл файл с фотографиями курятника. Увидел банку с зубами. Увидел тупой, старый нож.

— Ветеринар сработал быстро, — сказал он себе.

— Вызвал, — раздался голос из дверей.

Стаждёр вернулся. Бледный. Не спал вторую ночь.

— Вы тоже не спите, — сказал Эксперт.

— Не могу.

— Что с вами? — Коробки. Все пахнут одинаково.

— Чем? — Безысходностью.

Эксперт кивнул. Закрыв коробку. Написал на боку: «Тушка 43. Птицево. Куры. Результат: съели, но не всё».

Поставил на стеллаж, рядом с остатками от работы свиней.

— Игнат? — спросил стажёр.

— Сознался.

— А долг?

— Остался.

— Кому?

— Тому, кто принёс.

— И кто это?

Эксперт не ответил. Он взял маркер, открыл новую коробку и написал: «Тушка 43. Прибрежное».

— Следующая, — сказал он.

Я лежала в своей коробке.

Меня зовут Тушка 43. Я — гигантская куропатка. И я мертва. Девятый раз.

Игнат пожалел, что взял деньги. Но он не знал: отказ — это не выход. Отказ — это новый долг.

Больше старого.

Эксперт знал.

Он поставил новую коробку на стол.

И ждал.

Я ждала с ним.

Это не спойлер.

Это — статистика.

Акулы. Олег из Прибрежного

Лодку нашли рыбаки на рассвете. Она дрейфовала в трёх милях от берега, бесшумно покачиваясь на мелкой волне, — ни огней, ни признаков жизни. Когда подошли ближе, увидели, что мотор забрызган чем-то тёмным, а на дне, в луже ещё не успевшей засохнуть крови, лежат обрывки верёвок и кусок брезента, пропитанный чем-то, что не было ни рыбой, ни маслом, ни краской.

Владельца нашли позже — на берегу, в кустах, под перевёрнутой лодкой. Олег К. сидел, прижав колени к груди, и смотрел в одну точку, не мигая. Он был седой, хотя ему не было и сорока, и пахло от него так, будто он не вылезал из воды несколько суток. Сначала он отказывался говорить, потом сказал, что никого не убивал, что просто хотел избавиться от груза, что не знал, что это такое, что человек в сером плаще сказал: «Отработаешь долг», и он отработал. Отработал. Вот только груз не утонул.

— Я же привязал, — повторял он, глядя на полицейских широко раскрытыми, безумными глазами. — Я привязал его к железяке. Килограммов тридцать. Я думал, не всплывёт.

Не всплывало. Но всплыло.

В морг останки привезли на третий день после того, как Олега увезли в отделение. Эксперт встретил стажёра в коридоре, взял коробку, открыл и долго молчал, разглядывая содержимое. Кости были чистыми, почти белыми, с мелкими царапинами от зубов — нет, не акул, в пресном озере акул не бывает. Рыбы. Обычные рыбы, которые обгладывают всё, что падает на дно, если у них есть время и терпение.

— Странно, — сказал стажёр, заглядывая через плечо.

— Что именно? — спросил Эксперт, не оборачиваясь.

— Мы уже получали такие.

— Какие?

— С такими же зубами. С пломбами. С одинаковыми следами.

Эксперт положил кость на стол и повернулся к стажёру.

— Ты уверен?

— Я помню, — стажёр говорил тихо, почти шёпотом, будто боялся, что звук разбудит кого-то, кто должен был оставаться мёртвым. — Такие же царапины. Такая же белизна. Те же пломбы.

Эксперт не ответил. Он взял телефон, открыл папку с фотографиями предыдущих дел — Фёдор, свиньи; Игнат, куры — и принялся сравнивать. Через десять минут у него не осталось сомнений.

— Это не новая тушка, — сказал он.

— А что? — стажёр насторожился.

— Та же самая. Или не та же самая, — Эксперт запнулся, подбирая слова. — Такая же. Те же повреждения на костях, те же зубы, те же пломбы. ДНК, скорее всего, тоже совпадёт.

Стажёр посмотрел на стеллаж, где стояли уже две коробки с одинаковой маркировкой, потом на новую, которую только что принесли.

— Так это всё одна куропатка?

— Не знаю, — признался Эксперт. — Пока не знаю.

Он работал допоздна. Пересматривал снимки, сравнивал замеры, читал старые заключения и всё больше убеждался, что стажёр прав. Кости были одинаковыми. Не похожими — одинаковыми. Каждая царапина, каждый изгиб, каждая микротрещина повторялись с пугающей точностью, словно кто-то взял одну тушку, размножил её в бесконечном количестве копий и начал разбрасывать по всему району.

«Клоны, — подумал он и сразу отогнал эту мысль. — Не может быть. Не бывает так, чтобы клоны были абсолютно идентичны».

Но он не мог найти другого объяснения.

В двенадцать ночи Эксперт пошёл в кабину к следователю Анне. Та сидела за столом, читала показания Олега, и под глазами у неё залегли тени, но голос был спокойным, как у человека, который привык работать в любых условиях.

— Олег подтвердил, — сказала она, не поднимая головы. — Человек в сером плаще. Высокий. Лица не запомнил. Сказал: «Ты должен, отработаешь».

— Что-нибудь ещё?

— Ничего. Ни имени, ни документов, ни номеров. Пришёл, отдал тушку, ушёл.

— Как и в прошлых случаях.

— Как и в прошлых, — Анна подняла глаза. — У тебя есть идеи?

— У меня есть догадки, — Эксперт помолчал, потом добавил: — Но тебе они не понравятся.

— Я привыкла.

Он не стал говорить о клонах и одинаковых царапинах. Вместо этого он спросил:

— Что Олег собирался делать с тушкой?

— Бросить в озеро. Привязал к железяке, думал, не всплывёт.

— Не рассчитал.

— Не рассчитал.

— Свины бы не рассчитали, — сказал Эксперт и вышел.

Ночью он сидел в своём кабинете, смотрел на три коробки, стоящие в ряд, и пытался вспомнить, в какой момент его работа перестала быть просто работой. Когда он перестал видеть в коробках стандартные улики и начал видеть чью-то боль, чей-то страх, чей-то долг, который никто не мог отдать, кроме как через тушки мёртвых существ, которых никто не хотел называть настоящим именем.

«Клоны, — подумал он снова. — Или нет. Или что-то другое, о чём я пока не догадываюсь».

Он взял телефон и написал Анне: «Проверь, не было ли за последние годы пропаж людей в этом районе. Много пропаж. Необъяснимых. Таких, что не нашли ни тел, ни свидетелей».

Ответ пришёл через минуту: «Ты думаешь, что тушки — это...»

Он не дал ей закончить.

«Я ничего не думаю. Просто проверь».

Он отложил телефон, закрыл глаза и представил себе Олега, стоящего на берегу, с коробкой в руках и железным грузом, который он привязал к верёвке. Представил его страх, его отчаяние, его надежду на то, что вода скроет всё. И вспомнил, что вода никогда ничего не скрывает. Она только откладывает неизбежное. На день, на неделю, на год — но не навсегда.

Он открыл глаза и посмотрел на коробки.

Три.

С одинаковыми костями.

С одинаковыми пломбами.

С одинаковой, наверное, ДНК.

«Сколько их ещё?» — подумал Эксперт. И не нашёл ответа.

Стажёр заглянул в кабинет перед уходом.

— Я отправил образцы на ДНК-тест, — сказал он. — Завтра будет результат.

— Хорошо, — ответил Эксперт.

— Вы верите, что это одна и та же тушка?

— Не знаю, — честно сказал Эксперт. — Но я верю, что ответ где-то рядом. И что он нам не понравится.

Стажёр не нашёлся, что на это ответить. Он пожелал спокойной ночи и ушёл, оставив Эксперта наедине с тремя коробками, которые ждали своего часа, как всё, что рано или поздно должно быть вскрыто, изучено и разложено по полочкам.

Алексей, — подумал Эксперт. — Интересно, как тебя зовут на самом деле.

Но вслух он ничего не сказал. Он выключил свет и вышел в коридор, где пахло формалином, чистящими средствами и той сладковатой, тошнотворной нотой, которая появляется, когда долго находишься рядом со смертью.

Он привык к этому запаху. И это, наверное, было самым страшным.

Пираньи. Иннокентий из Техникаловки

Когда Эксперт впервые услышал имя «Иннокентий», он почему-то представил себе грузного человека с бородой, который пахнет рыбой и всё время говорит о биоценозах. Реальность оказалась другой: Иннокентий был худым, бледным, с близорукими глазами за толстыми стёклами очков и с таким видом, будто он только что проснулся после трёхдневного запоя — хотя пил он, по словам соседей, редко, предпочитая науку всему остальному.

Его аквариум был гордостью микрорайона. Не тот, что в гостинной, а промышленный — в подвале, переоборудованном под нелегальную лабораторию. Там, среди труб, пузырьков и терморегуляторов, жили пираньи. Серые, молчаливые, с острыми треугольными зубами, которые могли перекусить карандаш пополам, но — как позже выяснилось — отказывались перекусывать кости гигантской куропатки.

Всю ночь после ареста Иннокентия Эксперт не спал. Он сидел в кабинете и перечитывал протоколы, найденные на месте преступления: аквариум, заполненный мутной водой; остатки мягких тканей, плавающие на поверхности; и куча костей на дне. Эксперт уже видел такие кости раньше — у Фёдора, у Игната, у Олега. Те же пломбы, те же зубы, тот же странный, неестественный голубоватый оттенок, который не мог объяснить даже опытный патологоанатом.

Он вспоминал, как смотрел на эти кости в первый раз, и думал о том, что когда-то, возможно, они принадлежали живым существам, которые дышали, чувствовали боль и, наверное, боялись умирать. Теперь они лежали в картонной коробке, подписанной маркером: «Тушка 43. Техникаловка. Пираньи. Результат: не помогло».

«Не помогло», — мысленно повторил Эксперт и почувствовал, как в груди закипает глухая, тяжёлая злость.

Утром он поехал в Техникаловку сам, без стажёра и без следователя Анны, которая была занята на другом деле. Гаражный кооператив располагался на окраине, за железнодорожными путями, и пахло там бензином, сыростью и запустением. Большинство боксов были закрыты на тяжёлые висячие замки, кое-где зияли провалы выбитых окон, и только один, в самом конце, с надписью «Пираньи Иннокентия», привлекал внимание — не вывеской, нет, а запахом, который Эксперт уже ни с чем не мог спутать.

Он зашёл внутрь, включил фонарик и осмотрелся. Аквариум был пуст — пираньи куда-то исчезли, наверное, их изъяли в качестве вещественных доказательств. Но на полу, в углу, под слоем опилок и грязи, лежало несколько костей, которые не заметили при первом обыске. Эксперт опустился на корточки и поднял одну из них. Это была фаланга пальца, длинная, тонкая, с царапинами, оставленными зубами пираний.

Он поднёс кость к свету и вдруг понял, что она такая же, как и те, что лежали в коробках в его кабинете. Та же форма, те же микротрещины, тот же голубоватый оттенок, который появляется, когда кость долго находится в воде, но не теряет своей структуры.

«Они не переваривают кости, — подумал Эксперт. — Пираньи вообще не переваривают кости. Они грызут мясо, но скелет оставляют. И если бы Иннокентий знал это, он бы никогда не согласился на эту авантюру».

Но Иннокентий не знал. Или знал, но надеялся на чудо. Как и Фёдор, как и Игнат, как и Олег. Все они надеялись, что природа поможет, что свиньи сожрут, что кислота растворит, что рыбы пережуют, что вода скроет. И каждый раз природа оказывалась честнее, чем они ожидали.

Эксперт положил кость в пакет, подписал его и вышел на улицу. Солнце уже поднялось высоко, но в гаражах всё ещё было холодно — та особая, вьедливая сырость, которая пробирает до костей и заставляет жалеть о том, что не взял с собой термос.

Он сел в машину, завёл двигатель и поехал обратно в морг, всю дорогу думая об Иннокентии. О том, как тот, наверное, радовался, когда впервые запустил пираний. О том, как гордился своей идеей, считая её гениальной. О том, как, наверное, плакал потом, когда понял, что ничего не вышло, что кости остались, а полиция уже стучится в дверь.

«Все они плачут, — подумал Эксперт. — Все, кроме того, кто им эти тушки приносит».

В кабинете его ждал стажёр. Он принёс новые образцы — зубы и фрагменты челюсти, которые удалось извлечь из аквариума после того, как откачали воду.

— Я их промыл, — сказал стажёр. — Посмотрите.

Эксперт взял увеличительное стекло, поднёс к зубам и долго разглядывал их, пытаясь найти хоть какое-то отличие от тех, что уже лежали в его коллекции. Но отличий не было. Те же коронки, те же пломбы, тот же странный, нечеловеческий прикус, который говорил о том, что эти зубы никогда не принадлежали обычной птице.

— Это всё одна тушка, — сказал он наконец.

— Не может быть, — возразил стажёр. — Фёдор утопил её в озере, Олег скормил акулам, Игнат перемолол в фарш, а этот — пираньям. Как она могла оказаться в четырёх местах одновременно?

— Не знаю, — Эксперт положил зубы на стол и устало потёр переносицу. — Но я знаю, что ДНК-тест это подтвердит. И тогда нам придётся признать, что мы имеем дело с чем-то, чего не можем объяснить.

— С чем, например?

— С клонами, — тихо сказал Эксперт. — Или с тем, что все эти тушки — части одного целого, которое кто-то размножает и разбрасывает по всей области, как

Он не закончил, потому что не знал, с чем сравнить. Как конфеты? Как листовки? Как мусор, который нельзя просто выбросить, потому что он всегда возвращается?

Стажёр молчал, глядя на коробки, которые, казалось, с каждым днём становились только многочисленнее. Потом он спросил:

— А что, если это не одна и та же тушка? Что, если их много? И все они одинаковые?

— Тогда у нас проблемы, — ответил Эксперт. — Потому что если их много, то кто-то их производит. И кто-то их распространяет. И мы понятия не имеем, кто это и зачем.

Он остался один и долго сидел в темноте, глядя на коробки, стоящие на стеллаже. Пять штук. Фёдор, Игнат, Олег, Иннокентий. И ещё одна — первая, с которой всё началось. Он не знал, сколько их будет ещё, но чувствовал

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.